

Окуджава Булат Шалвович

1.3.95.

Началось все символично. Когда мы ехали к Окуджаве на дачу в Переделкино, из радиоприемника в нашей машине звучал тихий и спокойный голос Мастера, который как бы медленно и плавно вводил нас в свой мир, в котором нет места фальши и обману. Мир любви и романтики.

А компания у нас была очень интересная. Кроме меня, корреспондента "МК", к Булату Шалвовичу ехали и организаторы юношеского фестиваля авторской песни. Собственно говоря, они-то и пригласили меня. Повод для поездки был более чем грандиозный. Ольга Владимировна, жена нашего гостеприимного хозяина переделкинской дачи, создает сейчас в Москве музей игрушки. А посадские мастера, прослышав об этом, сделали для Окуджавы подарок — резную деревянную фигуру мужичка-лоточника, на лотке которого не просто фигурки — персонажи песен Булата Шалвовича. Да и он сам тоже примостился со своей гитарой на этом лоточке.

"Один из залов будущего музея игрушки будет называться "Семейный альбом", — рассказывал нам Окуджава. — В нем будут куклы, изображающие, например, семью Пушкина, семью Толстого, семью Есенина. Недавно праправнучка Пушкина подарила музею куклу дочери Александра Сергеевича. Может быть, он сам к ней прикасался. Кто знает?"

После приятной торжественной части вручения подарка я не преминул воспользоваться случаем и задал одному из основоположников современной бардовской песни несколько вопросов. Но с вопросов начал сам Окуджава, дотошно выспрашивая, кто я и откуда. А потом объяснил свою настойчивость.

— Меня недавно подставила одна газета, и я этим очень огорчен. Я был в Риге, и там корреспондент со мной делал интервью на разные темы. Но вытывать текст мне потом не дал. И газета опубликовала материал со страшными ляпами. Мне неудобно перед людьми. Он меня спрашивал о Гаидаре. Я ему ответил, что Гаидар —

порядочный человек, интеллигент, знающий, хороший ученый. Говорят, что он много ошибок допускает, ну, наверное, кто не допускает ошибок. И потом я не могу судить о них, потому что я не экономист. Ну, в общем, все сказал. В газете появилось только: "Гаидар хороший человек, но много

наверное, кто не допускает ошибок. И потом я не могу судить о них, потому что я не экономист. Ну, в общем, все сказал. В газете появилось только: "Гаидар хороший человек, но много

— Ну до меня был Визбор, был Анчаров... Понимаете, то, что я вдруг оказался в глазах многих таким родоначальником, просто так сложились обстоятельства. Вокруг меня больше шума. Поэтому я стал основоположником. Нет, я продолжал то, что было. Но должен вам сказать честно, когда

Москва, комсомольцы. — 1995. — 1 октября. — с. 7.

О САМОЙ ГЛАВНОЙ ПЕСЕНКЕ

"ТВОРЧЕСТВО У ПУШКИНА, А У МЕНЯ — РАБОТА"

допускает ошибок". Ну как так можно?

— Булат Шалвович, и все-таки, возвращаясь к бардовскому творчеству, что оно сейчас для вас?

— Я очень далек сейчас от авторской песни. Но есть резон в том, что авторская песня, выполнив задачу, в первоначальном своем значении умерла. Она видоизменилась. Теперь наступили новые времена, им нужно новое качество. Вот молодежь его ищет и находит. К авторской песне опять тянутся.

Я, кстати, недавно был в Новосибирске, и мне там рассказывали, вытаращив глаза, что три года в город приезжали всякие мировые знаменитости: скрипачи, певцы... В зале было пятнадцать человек. А вот последний год — сплошные аншлаги.

— Вы говорите, что отошли от авторской песни, редко выступаете. А не поделитесь, что вы сейчас пишете? (На рабочем столе Булата Шалвовича — исписанные листы бумаги, многочисленные пометки, рядом пишущая машинка с запятым листом бумаги и книги, книги...)

— В моем возрасте широкого диапазона деятельности уже нет, конечно. С утра немножко прозы. Пытаюсь. Стихи пишутся все время. Понемножечку, но пишутся. Вот больше и ничего. Ну выезжаю иногда выступать, когда приглашают, деньги платят. Отказываться нельзя. Но мне, честно говоря, уже надоело. Давно.

— Надоело из-за чего?

— Я постарел, голос не тот, силы не те. Наслаждения я не получаю. Раньше мне приятно было. Нравится публике, не нравится — не важно. Мне

исполнение или вообще написанное?

— Мое. Понимаете, я-то думаю, что у всякого человека есть предназначение. И я свое предназначение выполнил. Это не значит, что я закончился. Я еще буду продолжать писать... Но главное предназначение я выполнил. Хорошо или плохо — это не мне судить.

— В нашей беседе с Александром Горюхиным мы говорили об истоках авторской песни. Каковы они, на ваш взгляд? Не с достопамятных времен, там мы дошли до скоморохов, если брать Русь. А современной бардовской песни. Кого бы вы все же поставили у истоков?

начинал, я Визбора не знал и даже ничего о нем не слышал. И вообще все это началось ужасно смешно и нелепо. Просто один раз мы сидели у меня дома — тогда еще совсем юные Евтушенко, Ахмадулина, Луконин. Где-то они гуляли и буквально ворвались ко мне. Сели. У меня было выпить немножко. Выпили. Они начали читать стихи. А мне буквально перед этим показали три аккорда на гитаре. И я, выпивши уже, конечно, вспомнил одно свое шуточное стихотворение, взял гитару и, чтобы их развлечь, стал это стихотворение петь. Тут же мелодия какая-то примитивная пришла, на три аккорда. Я спел, они были в восторге. И меня это очень вдохновило. Тут же я спел второе стихотворение... И стал петь. Мне понравилось. Ведь здорово. Все стихи нельзя петь, а некоторые можно. Вот я и стал их напевать. Я никогда не думал, что что-то такое из себя представляю. Абсолютно нет. Вот когда меня ругать начали в прессе, тогда я задумался. Ведь на самом деле все, наверное, не случайно.

— Булат Шалвович, а все-таки, возвращаясь к прозе. Что вы сейчас пишете?

— Я пытаюсь. Автобиографический роман сейчас выходит. Уже много критических отзывов, как будто я кому-то назло его писал... Написал то, что мог, о себе, о своем детстве 30-х годов. У меня есть новый замысел, но я пока не могу его нащупать. Мне хочется написать историко-фантастический роман о том, что было бы, если бы Емельян Пугачев все-таки стал императором России и вззошел на трон. Но это пока только наброски.

— А что за стихотворение было спето на первые три аккорда?

— Сейчас я уже плохо помню, но

мне кажется, что это был "Ванька Морозов". (И на какое-то время Мастер погрузился в воспоминания, почти про себя напевая нехитрую мелодию старой песни. А от одного памятного воспоминания ниточка перекинулась к другому...). Потом к песням я стал относиться профессиональной, серьезной. Я помню, например, как несколько своим друзьям я на улице, у метро "Краснопресненская", — это в конце 56-го года (зима, декабрь, а мы стоим, уже пора расходиться) — читаю строчки "Последнего троллейбуса". Всего стихотворения еще не было. Они говорят: "Ой, интересно, хорошо, давай пиши дальше..."

Вообще песни уже живут своей жизнью. Мне тут сказали, что, когда начались события в Чечне, по радио строчки "Последнего троллейбуса". Меня самого эта война выбила из седла. И даже не потому, что это Кавказ, а потому что это ужасный пример того, в каком диком состоянии мы находимся. Мне говорят: "Ну как же, там же бандитские шайки!" А в Москве в 10 раз больше бандитских шайк. И давайте тогда бомбить Москву? Все это от большевизма, а еще от неграмотности. Ведь посмотрите, кого назначают руководить. Просто посмотрите на лица... Но я все-таки верю, что все утрясется, что люди опять начнут думать.

Я очень огорчен теми напастями, которые свалились на нашу голову за последние годы, но совершенно им не удивляюсь. Потому что я твердо уверен, что советская власть продолжается. Она изменила лозунги, названия, но продолжается. И должно смениться несколько поколений, чтобы все это из нашей психологии, из крови нашей вышло. А иначе все время будет такой, извините меня, бардак. Ведь в новой конституции теперь впервые сказано об абсолютном приоритете личности над интересами государства. Ну и что же? Ну лозунг. Замечательно. А на самом-то деле все то же самое. И главенство государства, и все остальное. Вот в чем дело. Вот откуда начинается. Осталась старая боярская бюрократия, еще с боярских времен. Все кричат: "Все ради России". А на самом деле каждый — себе. Это старая болезнь. А нам главное — держаться и сохранять человеческое достоинство.

Олег ФОЧКИН.